

сублимация этой культуры; пена, скрывающая глубину средневековых пресущественческих оппозиций. Кривозеркальное изображение, принятое всерьез, но ставшее и впрямь почти серьезной вещью. Символ, настаивая на подлинном бытии вещи, оборачивается ее небытием, ибо телесный символ как бы заменяет, искажая-уничтожая, истинную духовность.

Иконоборческая ересь сумела-таки распознать в иконе символ как знак огрубления бога. Антиидолопоклонство есть антисимволотворческое движение, нашедшее себя в гипертрофированном иконоборчестве, укорененном в ветхозаветной традиции в *увещательном слове* царя Соломона.

Многие исследователи любят искать присущий средневековой символотворческий импульс в *учении об иерархии четырех смыслов*¹², обобщенном в Дантовом «*Пире*» (1968, II, I, с. 135—137).

*Littera gesta docet, quid credes allegoria;
Moralis, quid agas; quo tendas, anagogia.—
Букваальный смысл учит о произошедшем;
о том, во что ты веруешь, учит аллегория;
Мораль наставляет, как следует поступать;
Твои стремления открывает анагогия*

(с. 528—529, примеч.).

Но до символа еще далеко: намечается лишь последовательный иерархически организованный характер обожествления текста в ходе его чтения, узнавания, понимания. Специфически средневековая методика.

Слово подвижнее символа. Обозначая сотворенную вещь, оно в средневековом сознании ею не является, не является и ее знаком: *слово томится по плоти, плоть по слову, то есть по богу. Августин: «Слово стало плотью, но не обратилось в плоть, возвысило ее, в ней не обратившись»* (Augustinus, XV, XI, с. 20).

Подобие, то есть символ, презренно, ибо оно — достояние лишь телесного — не духовного! — зрения: *«Телесное зрение принимает подобие за сами тела»* (Августин, 1912, кн. XII, с. 292). Символа нет, а если и есть, то он — пустое, ибо свидетельствует о бедной, не возвышенной копии. Вместе с тем нет иного способа сподобиться невидимого как через видимое. Бог как вершина пирамиды отсечен. Им стал алхимик. Прямой путь к символизму¹³.

¹² Александриец Ориген (III в.) различал три смысловых уровня текста: *телесный* (букваальный, историко-грамматический), *душевный*, *моральный* и *духовный* (аллегорический). Данте вслед за схоластами зрелого средневековья раздваивает третий оригеновский смысл, превращая триаду в четверицу, разведя таким образом *аллегория* и *анагогия* (возведение души ввысь). См. об этом комментарий С. С. Аверинцева к статье П. А. Флоренского «Строение слова» (Флоренский, 1973, с. 372).

¹³ Но лишь в том случае, если настаивает на полной подлинности знака, и тогда — опять-таки — символ выдает себя за вещь, потешаясь над вещью, а воспринимающего водая за нос и обводя вокруг пальца. Алхимическая вещественность, выдающая себя за христианскую духовность.